

Профессор Николай Дмитриевич УСПЕНСКИЙ

К 50-летию научной деятельности

В 1975 году исполняется 75 лет со дня рождения и 50 лет научной деятельности видного литургиста современности, историка Церкви, музыковеда-медиевиста, ученого с мировой известностью, доктора Церковной истории и кандидата искусствоведения профессора Ленинградской духовной академии Николая Дмитриевича Успенского.

Мы постараемся здесь в связи с этим юбилеем, насколько это возможно в статье, показать пути становления Николая Дмитриевича Успенского как ученого, рассказать о его научном кредо, принципах и направлении его научной работы и преподавательской деятельности в духовной школе.

Николай Дмитриевич Успенский родился 3 января (ст. ст.) 1900 года в семье священника погоста Поля Новгородской губернии. Здесь впечатления детства уже определяют его будущие интересы. Так, именно здесь, в сельском храме, где истово, благоговейно и проникновенно служил его отец, у него зарождается любовь к службам церковным. Здесь же начинает проявляться у него и наследственная любовь к церковной музыке и пению. Его родители и дедушка, певец новгородского Софийского собора, были музыкально одаренными людьми. Отец его организовал из крестьян церковный хор и столь умело направлял его рост, что этот хор исполнял произведения Д. Бортнянского, протоиерея П. Турчанинова, А. Архангельского.

В 1909 году Николай Успенский поступает в духовное училище в г. Старая Русса, по окончании которого учится в Новгородской духовной семинарии. Во время обучения в духовном училище он был ведущим в партии дисканта в училищном церковном хоре.

Годы гражданской войны Николай Дмитриевич провел в рядах Красной Армии, а по демобилизации продолжал богословское образование в Петроградском Богословском институте. По окончании института он пишет кандидатское сочинение «Происхождение чины агриппии, или всенощного бдения, и его составные части». По получении степени кандидата богословия Николай Дмитриевич, по ходатайству его руководителя профессора Алексея Афанасьевича Дмитриевского, был оставлен при кафедре литургики для научной специализации. Так началась его самостоятельная научная работа, первое время проходившая под опытным руководством А. А. Дмитриевского († 1929). Одновременно Николай Дмитриевич продолжал и музыкальное самообразование. В это время он знакомится с регентами петроградских храмов, их хорами и репертуаром этих хоров и сам управляет церковным хором в с. Окуловка, где настоятелем тогда служил его отец. В работе с хором Николай Дмитриевич старался достигнуть стройного, красивого звучания, которое он слышал в пении петроградских хоров, привозил из Петрограда повники церковного репертуара — произведения А. Кастальского, П. Чеснокова, А. Гречанинова и других духовных композиторов и на этом репертуаре создавал культуру хора. Работа давала ему средства для существования. Но по причине занятости по работе его научная специализация вместо одного года, как то было в дореволюционных духовных академиях, растянулась на три года. Однако эти три года, прошед-

шие в тесном общении с его учителем на поприще науки, не прошли для него бесследно, они научили его работать настойчиво и серьезно.

После закрытия Высших Богословских курсов (так с 1925 года именовался б. Петроградский Богословский институт) в 1928 году Николай Дмитриевич поступает учиться в Ленинградскую академическую капеллу. Во время обучения в капелле он управлял церковными хорами Троицкого, Измайловского и Владимирского соборов в Ленинграде. В 1932 году он поступает в Ленинградскую государственную консерваторию и в 1937 году оканчивает историко-теоретический факультет консерватории. Со времени учебы в консерватории и особенно по ее окончании начинается музыковедческая педагогическая деятельность Николая Дмитриевича в учебных заведениях Ленинграда, до консерватории включительно. Но за все это время он не оставлял и своего увлечения литургикой, продолжая углубленно изучать источники своей любимой науки.

В 1946 году в консерватории Николай Дмитриевич защитил диссертацию «Лады русского Севера» и получил ученую степень кандидата искусствоведения.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. застала Николая Дмитриевича в Ленинграде. Он пережил блокаду Ленинграда. В 1941 году, во время одной из вражеских бомбардировок города, он был сильно контужен.

С 1942 по 1946 г. он управлял церковным хором в Николо-Богоявленском кафедральном соборе.

В 1946 году возрождены были Ленинградские духовные школы, и Николай Дмитриевич Успенский определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия был утвержден доцентом Ленинградской духовной академии по кафедре литургики с возложением на него и обязанностей преподавателя того же предмета и Устава в Ленинградской духовной семинарии. 12 июня 1947 года Аттестационная комиссия Учебного комитета при Священном Синоде удостоила Николая Дмитриевича, как имеющего две ученых степени, звания профессора. 22 июня 1949 года Ученый совет Ленинградской духовной академии на основании публичной защиты представленной Николаем Дмитриевичем диссертации «Чин всенощного бдения в греческой и Русской Церкви» удостоил его ученой степени магистра богословия. 10 апреля 1957 года Ученый совет Московской духовной академии за труд «История богослужебного пения Русской Церкви (до середины XVII в.)» присвоил ему высшую ученую степень доктора Церковной истории.

В эти же годы Николай Дмитриевич начинает активно участвовать в издательской деятельности Московского Патриархата: с 1945 года он сотрудничает в редакции «Журнала Московской Патриархии» как автор многих статей и научный редактор различных церковно-богослужебных изданий, с 1959 года — в богословском сборнике «Богословские труды», членом редакционной коллегии которого он состоит. Так, уже в 1-м выпуске «Богословских трудов» (М., 1960) была опубликована его статья «Православная вечерня», отобразившая итоги его многолетней научной работы в области изучения истории православного вечернего богослужения. В выпусках опубликованы также его доклады на богословских собеседованиях «Арнольдсхайн».

Всегда до предела загруженный научно-преподавательской работой в духовной школе, живо участвующий в ее жизни, Николай Дмитриевич выполняет, кроме того, по поручению Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата научную разработку различных богословских, и в частности литургических, материалов для экуменических диалогов и контактов, в которых сам также участвует, выступая на них с докладами на темы дискуссий.

В духовной школе Николай Дмитриевич нашел полное применение

своим знаниям во всех тех областях, которые его интересовали в течение всей его жизни. В настоящее время он заведует там кафедрой литургики и возглавляет руководство регентским классом.

Самое большое влияние на становление Николая Дмитриевича как ученого оказал, несомненно, А. А. Дмитриевский, заслуженно стяжавший имя «русского Гоара» за свой колоссальный труд по собиранию литургических источников и разработке научных проблем литургики. Он привил Николаю Дмитриевичу подлинный научный интерес к литургическим изысканиям, умение мыслить самостоятельно. Ему Николай Дмитриевич обязан, прежде всего, огромной любовью к исторической литургии, которую Дмитриевский обоснованно считал существенно важной в богословском образовании, а не «прикладной» наукой, как многие думали в его время и некоторые думают сейчас. В воспоминаниях о своем незабвенном учителе («Богословские труды», сб. 4) Николай Дмитриевич пишет, как методично, изо дня в день Алексей Афанасьевич заботился о научном росте своего «Вениамина» (так любовно называл он Николая Дмитриевича), готовя из него ученого, преемника своего любимого дела. Неутомимая работа над источниками под руководством проф. А. А. Дмитриевского помогла Николаю Дмитриевичу не только овладеть знанием классических языков литургических источников — греческого и латинского, но и в совершенстве изучить сами источники, а это дало ему возможность дальнейшей самостоятельной, творческой и активной работы в науке.

Пятьдесят лет научной деятельности — славный юбилей для ученого. Эти полвека заполнены у Николая Дмитриевича Успенского неустанным трудом, непрерывной работой над расширением фонда научных сведений в области литургики, научными поисками и оригинальными решениями проблем исторической литургики. Николай Дмитриевич — мыслитель-новатор, не боящийся нового, смелого слова в науке. Он унаследовал лучшие традиции русской литургической школы, отцом которой был А. А. Дмитриевский. Николай Дмитриевич с честью хранит и активно приумножает эти традиции, заботливо передавая их и новому поколению богословов. Значителен его личный вклад как ученого в развитие современной русской литургической мысли.

Многое сделано, например, Николаем Дмитриевичем для научной популяризации и развития исторического, точнее, историко-археологического, метода в русской литургической науке, основоположниками которого были проф. И. Д. Мансветов и проф. Н. Ф. Красносельцев. Этот метод, плодотворный при изучении вопросов истории становления и развития христианского богослужения, лежит в основе всех научных работ Николая Дмитриевича и естественно сочетается у него с лучшими святоотеческими образцами символического понимания богослужения.

Таким было уже кандидатское сочинение Николая Дмитриевича «Происхождение чина агриппии, или всенощного бдения, и его составные части». На основе всесторонней разработки источников он выявляет историческое зерно главных составных частей всенощного бдения — вечерни, литии и утрени. В центре вечерни — так называемое светильничное благодарение эпохи раннего христианства, сопровождавшееся обрядом внесения светильника в молитвенное собрание. Теперь оно приняло новый вид и известно как вход на вечерне с изнесением светильника из алтаря и пением древнего гимна «Свете тихий». Вокруг этого обряда создалось все чинопоследование вечерни. Поэтому в Типиконе вечерня иногда называется «светильничным» (τὸ λαμπηχόν) (т. е. «светильничным благодарением»), отсюда и тайные молитвы священника на вечерне доньше называются «светильничными».

В основе утрени лежит воспоминание священных повозаветных событий. Это, прежде всего, Рождество Иисуса Христа, которое в «ночную стражу» (Лк. 2, 8) возвестили ангелы пением гимна «Слава в вышних

Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Второе священное событие — Воскресение Христово, совершившееся на рассвете после субботы (Мф. 28, 1). Поэтому христиане уже в начале II века, как сообщал Плиний Младший императору Траяну, собирались вместе до восхода солнца и «пели гимны Христу, прославляя Его как Бога». Из молитвенного воспоминания этих священных событий происходило постепенное образование утрени.

К VI веку происходит соединение вечерни и утрени, в ту пору еще несложных по составу молитв и песнопений, в одну службу, которая начиналась с вечера и продолжалась без перерыва до рассвета. Ее греческое название — ἡ ἀγρυπνία, т. е. «неусыпающее», а по-русски — «всеночное бдение». Возникло такое непрерывное богослужение в Иерусалиме в силу постоянного притока в храм Воскресения Христова паломников, которые там бодрствовали и молились с вечера и до утра. Так называемые монахи-спудеи, т. е. ревнители, чередуясь, проводили в течение всей ночи богослужение. Эту практику всенощной службы от иерусалимских монахов-спудеев заимствовал для своей лавры преподобный Савва Освященный (VI в.). Пещеры его лавры, в которых жили монахи, были расположены в скалах. С наступлением сумерек хождение в пещеры или из пещер было опасным для жизни. Поэтому преподобный Савва ввел такой порядок, чтобы все монахи приходили в храм до захода солнца, и служба с этого времени совершалась до рассвета. При нем в лавре было две церкви. Когда число монахов увеличилось, службу стали совершать в одной из этих церквей, в другой же, за отсутствием среди братии священника, монахи молились по-келейному. Священник, совершив вечерню в одной из церквей, шел в другую и произносил там ектению. Возвратясь, он заходил в монастырскую пекарню, которая была под церковью, и здесь благословлял хлебы. Затем поставленные на то монахи разносили всем по «укруху» хлеба. Полагалось чтение Деяний апостолов, и в это время все молча подкреплялись хлебом. Затем начиналась утренняя, которая заканчивалась на рассвете, когда было не опасно идти по скалам в свои келлии-пещеры. Так возникли лития и благословение хлебов. Типикон указывает совершать исхождение с литией не только в праздники, но и на воскресном бдении и в этом случае петь стихире храма. Какого же храма? В лавре преподобного Саввы церковь, куда священник шел служить литию, была посвящена святому Иоанну Предтече. Древнейшие Уставы указывают поэтому петь стихире Иоанну Предтече (но не храма, где совершалась вечерня).

Таковы выводы кандидатского сочинения Николая Дмитриевича Успенского.

Дальнейшей ступенью развития указанных выводов явилась магистерская диссертация Николая Дмитриевича «Чин всенощного бдения в греческой и Русской Церкви». Здесь также путем глубокого тщательного изучения литургических памятников автор прослеживает историю становления современного, сегодняшнего чина вечерне-утреннего богослужения греческой и Русской Церкви, выявляя причины появления теперешних форм данного чина в обеих Церквях и анализируя отличительные особенности этих форм.

Как известно, в Церквях православного Востока в течение последних столетий после падения Византии (1453) происходила постепенная трансформация суточного круга богослужения в сторону его упрощения в целях облегчения совершения служб в приходских церквях. Начало исчезать из обихода этих церквей всенощное бдение, как таковое, и главные составные его части — вечерня и утренняя — теперь стали совершаться отдельно, в свое время: вечерня — с вечера накануне, утренняя — утром в самый день празднуемого события или памяти святого, не исключая даже двенадцатых праздников, наподобие того, как это было, например, в той же греческой Церкви и первоначально на Руси по Сту-

дейскому Уставу (или Уставу патриарха Константинопольского Алексия). При этом перед вечерней неопустительно совершается служба девятого часа. Служба утрени, по сравнению с вечерней, больше сохранила древних особенностей. Так, чтение Евангелия на воскресной утрени, например, совершается ближе к концу утрени, обычно по 8-й песни канона, и полиелей не находит особого распространения в практике. Зато канон утрени исполняется полностью, и при этом весьма торжественно, — обычно весь канон поется, а не читается, т. е. не одни ирмосы поются только, а и тропари каждой песни так же поются, как у нас на Пасху. Таким образом, пение канона с чтением Евангелия и исполнением великого славословия составляет ныне главную торжественную часть греческой утрени. Во время утрени совершается проскомидия, конечные ектении утрени обычно читаются тайно переем в алтаре, часы 1-й, 3-й, 6-й, за исключением периода Великого поста и навечерий Рождества Христова и Богоявления, обычно также опускаются, так что по исполнении славословия сразу начинается литургия. Такой порядок соблюдается большей частью в приходских церквях Востока. В письменном виде он был закреплён во второй половине XIX в. в новом, современном Уставе Великой церкви (Τυπικόν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας). Этот Устав, кроме греческих Церквей, применяется также в Церкви Болгарской. Однако в практике отдельных Церквей по местам наблюдаются те или иные отклонения, более или менее значительные, от этого Устава. Так, чиноположения Иерусалимской Церкви, например, ближе к нашему русскому (Иерусалимскому и Святой Горы) Типикону и нашей богослужебной практике, чем к современному греческому Уставу. В монастырях Востока также более употребительны древние Уставы, а не современный греческий. Кстати, последний не является чисто приходским, ибо в нем содержатся также и некоторые обряды, совершаемые только за патриаршими служениями.

Русская Церковь, равно как и дочерние ее Церкви — Польская, Чехословацкая и Автокефальная Американская, сохраняет чиноположения Иерусалимского и Святой Горы Типикона. Сохранился в ней и чин всенощного бдения, как таковой, со всеми его основными структурными элементами, которые не подверглись исключению. В практике наблюдается только пение или чтение меньшего количества стихир, кафизм, тропарей канона утрени, псалмов на часах. Но схема бдения остается неизменной. Современная практика усвоила термин «всеночной» (!) очень распространившемуся в наше время механическому соединению в седмичные дни вседневной (не великой!) вечерни, вседневной утрени и первого часа в одну службу подряд, с одним общим отпуском в конце, после первого часа, каковая служба совершается с вечера накануне. Сам принцип всенощного бдения, в котором сочетаются в одно естественное целое, отнюдь не механически, песнопения и молитвословия вечерние и утренние, составляя особое целонощное последование, отличное от служб вечерни и утрени, рассматриваемых отдельно, настолько, действительно, у нас привычен, что оказался перенесенным, хотя и механически, на все вечерне-утренние службы, вплоть до вседневных. С другой стороны, «всеночные» Русской Церкви, даже под двенадцатые праздники, в настоящее время своей небольшой продолжительностью уже не оправдывают своего названия всенощных бдений. В этом отношении наиболее сохранил древние установления Святой Афон, в монастырях которого совершаются во всей их изумительной и незабываемой древней красоте, действительно, подлинные целонощные последования бдений, начинаясь «по еже мало зайти солнцу», оканчиваясь при рассвете дня и составляя таким образом поистине службу «труда бденного».

Николая Дмитриевича Успенского, так же, как и его учителя проф. А. А. Дмитриевского, отличает большая разносторонность научных ин-

тересов. Кроме указанных научных диссертаций, им опубликовано много статей, этюдов, аннотаций в русской и зарубежной церковной и светской печати на различные литургические, церковно-исторические и искусствоведческие и другие темы.

Николай Дмитриевич осуществляет разработку научных проблем в самых различных областях исторической литургики. Так, в области христианской эртологии (учение о праздниках) он много работал над изучением вопроса происхождения праздника Рождества Христова. На эту тему им был прочитан в Ленинградской духовной академии специальный доклад — «История и значение праздника Рождества Христова в древней Церкви», опубликованный затем в «Журнале Московской Патриархии» (1956, № 12). О научной ценности этого доклада говорит публикация его в органе Берлинской Академии наук «*Bibliotheca classica orientalis*» (Heft 6, 1962).

Другим эртологическим докладом Николая Дмитриевича в Ленинградской духовной академии был доклад «Чин воздвижения Креста (историко-литургический очерк)», также опубликованный затем в «Журнале Московской Патриархии» (1954, № 9). В настоящее время чин воздвижения Креста 14 сентября совершается в Русской Церкви в соборных храмах, но литургические памятники говорят, что он может быть совершаем во всяком храме. Николай Дмитриевич в своем докладе приводит свидетельства об образе его совершения в древнее время.

Интересна еще одна эртологическая работа Николая Дмитриевича, опубликованная в «Журнале Московской Патриархии», вскоре после его возрождения в 1943 году (1945, № 3), — «Святая Четыредесятница (историко-литургический очерк)». В древней Церкви продолжительность предпасхального, называемого ныне Великим, поста была различной. В самое древнее время был один только день воспоминания страданий, распятия и погребения Господа, называвшийся *Πάσχα πάροδου* («Пасха крестная», «Пасха страданий»), в отличие от *Πάσχα ἀναστάσεως* («Пасха воскресения»), в которую совершалось воспоминание Воскресения. Затем из одного дня «Пасхи крестной» образовалась Страстная седмица. Еще позже к Страстной седмице был присоединен предварявший ее пост Четыредесятницы, в воспоминание пребывания Господа в пустыне перед выходом Его на общественное служение спасению мира. Самыми поздними по происхождению явились седмицы приготовительные к Четыредесятнице, от Недели о мытаре и фарисее до Недели сыропустной. И вместе с изменением сроков и продолжительности предпасхального поста изменялся, расширяясь и усложняясь, и устав постовых служб. Одновременно с этим устанавливались особые праздничные службы: в субботу 1-й седмицы поста в память великомученика Феодора Тирона, Неделя Крестопоклонная, «Стояние Марии Египетской», суббота Акафиста. В статье Николай Дмитриевич рассказывает историю образования этих служб.

Всегда живо занимала Николая Дмитриевича и область христианской гимнографии. По этой тематике им была прочитана интересная актовая речь на торжественном заседании в Ленинградской духовной академии 9 октября 1966 года, посвященном 20-летию ее возрождения, — «Св. Роман Сладкопевец и его кондаки». Речь была напечатана в «Журнале Московской Патриархии» (1966, № 11; 1967, № 1) и в «Богословских трудах» (сб. 4—«Кондаки св. Романа Сладкопевца»). Кондаками в древней Церкви назывались большие церковно-богослужебные поэтические произведения, состоявшие из длинного ряда строф с одним общим припевом, или рефреном. Строфы раскрывают ту или иную догматическую или моральную тему. Внешне они объединены акростихом. Эти поэмы писались на свитках, которые для удобства пользования ими наматывались на деревянные палки. Отсюда произошло их название

(от греч. *χορτάκιον* — свиток, палка). Ныне от таких древних кондаков остались одна-две строфы; первая имеет надписание: кондак, вторая — икос. Чрезвычайно стройные в архитектурном отношении (подчиненность одной общей идее) и сложные по музыкальному оформлению, кондаки были вытеснены впоследствии пришедшими им на смену канонами, а еще позднее — акафистами, более простыми в указанных отношениях. Знаменитейшим творцом кондаков был св. Роман Сладкопевец (VI в., память 1 октября). Из сохранившихся его кондаков Николай Дмитриевич перевел на русский язык и проанализировал содержание кондака «О десяти девах», каковой перевод был прочитан им в указанной актовом речи.

В важной области текстологии богослужебных песнопений Николаю Дмитриевичу, помимо множества рассеянных в различных его работах указаний, принадлежит специальный текстологический этюд «Тропарь апостолу Луке в греческом его подлиннике» («Богословские труды», сб. 2). На основании филологического анализа греческого богослужебного текста автор устанавливает ошибочность существующего церковнославянского перевода и предлагает уточненный перевод тропаря апостолу, евангелисту, врачу благодатному, первому историку христианской Церкви св. Луке (память 18 октября).

Николаю Дмитриевичу принадлежит также несколько статей и экскурсов в области разъяснения действующего Устава Церковного. И здесь знание исторической литургии, истории богослужения и литургических источников помогает ему прийти к правильному пониманию указаний Устава и давать правильные рекомендации. Указания Устава подчас неясны и сбивчивы. Это объясняется историей формирования Устава на протяжении нескольких веков вплоть до XVII в. из разных Уставов и разных списков их. А порой в нем встречаются и «умолчания», ставящие в затруднительное положение при пользовании Уставом. Много из того, что было известно без слов и составителям, и читателям списков Устава, не записывалось. Теперь же это составляет целую научную проблему.

На уставно-разъяснительные темы Николаем Дмитриевичем написаны статьи и этюды о богослужебных отпустах, о пении тропарей и кондаков на литургии по малом входе, о служении двух литургий в навечерия Рождества Христова и Богоявления, о недопустимости пения пасхальных ирмосов «Воскресения день» в Крестопоклонное воскресенье, что иногда делают из-за непонимания указаний Устава, наконец о чтении литургийных евангельских зачал. Последний вопрос возбуждает много затруднений в современной богослужебной практике в связи с указаниями Устава о преступлениях и отступках в чтении евангельских литургийных зачал (Типикон, 7 января, 6-е «зри», и Богослужебное Евангелие — «Сказание... евангелистом... откуда начинают и до где стоят»). Наибольшие трудности вызывает так называемая воздвиженская преступка и отступка чтений. В Православной Церкви в существующее с весьма давнего времени современное распределение чтений Евангелия в различные периоды года положены известные богословские принципы. В своей небольшой, но тщательно составленной заметке по этому вопросу (см. Православный церковный календарь на 1971 год, изд. Московско-Патриархии) Николай Дмитриевич разъясняет эти богословские принципы и отмечает, что порядок чтений, указываемый Уставом, в частности, в отношении воздвиженских преступки и отступки, неизменно соблюдается с древнего времени во многих Православных Церквях и соблюдался всегда в Русской Церкви до последнего времени. Практика греческой Церкви немного отличается от практики Русской Церкви лишь в иной расстановке Лукиных зачал в период до Богоявления и в несколько другом распределении зачал во время крещенской отступки; время же начала чтения Евангелия от Луки — в понедельник после Не-

дели по Воздвижению — то же, что и в действующем русском Уставе, с соблюдением воздвиженских преступок и отступок.

Не мало указаний по части разъяснения Устава сделано Николаем Дмитриевичем в течение ряда лет при издании «Богослужебных указаний» (1949—1958), подготовлявшихся в 1955—1958 годах Богослужебно-календарной комиссией при Священном Синоде, председателем которой состоял видный агиолог и литургист епископ Афанасий (Сахаров) и в работе которой Николай Дмитриевич деятельно участвовал. Ему принадлежат там, например, указания на особенности древнерусской богослужебной практики, в частности новгородской, в тех или иных праздничных службах. Он также и редактировал «Богослужебные указания». В настоящее время Николай Дмитриевич осуществляет просмотр Уставных заметок Православного церковного календаря, издаваемого Московской Патриархией. Агиологическая часть календаря (Месяцеслов) также была в свое время просмотрена упомянутой Богослужебно-календарной комиссией при Священном Синоде при участии Николая Дмитриевича.

Николай Дмитриевич зарекомендовал себя и знатоком церковной археологии, о чем говорит его интересная, богатая сведениями, высококвалифицированная работа «Святые места в Иерусалиме на сегодня», написанная им в результате поездки в Святую землю в составе паломнической делегации Русской Православной Церкви в 1960 году и опубликованная в «Журнале Московской Патриархии» (1961, №№ 5, 6, 7).

В «Журнале Московской Патриархии» Николаем Дмитриевичем опубликован также ряд статей и по экуменической тематике, особенно в части, соприкасающейся с литургией: о православной литургии западного обряда, о религиозной жизни в Англии, о богослужении Англиканской Церкви, об англиканской литургии, о богословских беседах «Арнольдсхайн», участником которых Николай Дмитриевич был, и другие.

Были помещены в журнале и чисто догматические работы Николая Дмитриевича, как, например, «Соборность Церкви» (1959, № 7) и «Спасение верой» (доклад на «Арнольдсхайне I») (1960, № 9).

Николай Дмитриевич всякую «свободную» минуту спешит посвятить ученым изысканиям в области любимой литургии и особенно постоянно и настойчиво возвращается к теме Евхаристии, которая составляет его основной научный интерес в настоящее время. Его глубоко интересуют вопросы становления и развития анафоры, т. е. важнейшей евхаристической молитвы, как и всего в целом чина литургии. Частично плоды его размышлений над этими вопросами опубликованы в некоторых его статьях, в частности, посвященных анализу инославных литургий, многое высказано им во время лекций студентам, основная же часть этого многолетнего исследовательского труда только впервые публикуется в настоящем сборнике.

Современные чины литургий произошли не сразу. Установленное Господом Иисусом Христом на Тайной вечери таинство святой Евхаристии в течение веков бытия христианской Церкви претерпело большую обрядовую и текстологическую трансформацию, о чем говорят сохранившиеся древние литургические памятники, начиная с «Дидахи» (I—II в.) и евхаристической молитвы «Завешания Господа нашего Иисуса Христа» (*Testamentum Domini nostri Jesu Christi*). Существование таинства и церковной веры в него при этом, безусловно, оставалось неизменным. Внешние изменения и обряда и текста были результатом местных особенностей и задач церковной жизни, например, борьбы с еретическими учениями. Эти внешние особенности свидетельствовали прежде всего о первоначальной свободе древнего христианского богослужения, состоявшей в том, что предстоятельствовавший за богослужением, часто апостол или епископ, верховный литург общины, импровизировал молитвы

благодарений, с сохранением, конечно, существа их, т. е. их священного назначения. От этого появились в местных Церквах присущие им варианты, определившие затем литургическое чинопоследование той или иной Церкви. Только с III в. тексты молитвословий стали закрепляться в письменном виде.

С внешней стороны, со стороны обряда, литургия испытала, прежде всего, несомненное влияние обряда пасхальной ветхозаветной вечери (Исх. 12, 1—11) с ее благодарениями и благословениями над хлебом и чашей вина от плода лозного. Благодарения эти явились прообразом существенной неотъемлемой части литургии — евхаристического канона, от которого и сама литургия получила именование Евхаристии (греч. *εὐχαριστία* — благодарение). Древние евхаризмы — благодарения и благословения, составляющие содержание современной анафоры, отчасти сохранились также в молитве богоявленского водоосвящения, которое некогда совершалось в непосредственной связи с Евхаристией.

Господь Иисус Христос, Сам совершив на Тайной вечери благодарения и благословения ветхозаветной пасхальной вечери, вложил в нее новое содержание, придал ей новый характер — характер таинства Церкви. Агнец Божий, Он преложил прообразовательный агнец (хлеб) и вино в Тело и Кровь Свои. В дальнейшем это изначальное зерно Евхаристии обрастало формой, непрерывно менявшейся. Результатом всего этого является в настоящее время наличие нескольких литургий, усвоенных разным авторам. Становление текста и обряда литургии в основном завершилось на Востоке уже в XIV в. Рецензия литургии, вошедшая в текст современных Служебников, усвоится патриарху Константинопольскому Филофею (*Ordo* Филофея). Почти одновременно с этим осуществлялась рецензия текста на Балканах и Афоне, где проходила деятельность другого литургиста того времени, патриарха Тырновского (Болгарского) Евфимия. Из древних анафор общераспространенными в Православной Церкви являются анафоры святых Василия Великого и Иоанна Златоуста. Таким образом, в литургии от Христа и апостолов идет только самое существо таинства — приношение, общее содержание благодарений, благословение, преломление и причащение. Сопровождающие же это таинство обряд и текст (кроме слов установления таинства) — дело самой Церкви, облагодатствованного творчества человеческого. Так что литургия представляет богочеловеческое таинство Церкви.

Из печатных, и особенно устных, выступлений Николая Дмитриевича можно было узнать, как, по свидетельствам литургических памятников, шло становление частей литургии — проскомидии, чина изобразительных, литургии оглашенных и литургии верных, представить также историю малого и великого входа на литургии. Оказывается, например, что в древнейшее время литургия начиналась с момента, который соответствует теперешнему малому входу. Еще церковный писатель II в. св. Иустин Философ писал в своей апологии христианской веры о евхаристических собраниях, что они начинаются с преподавания предстоятелям мира собравшейся общине и чтения Писаний. Древние византийские литургические памятники рассказывают, что в храме Святой Софии, например, служение литургии начиналось с вхождения в храм василевса и патриарха, встречи их (ныне — малый вход), каждения ими алтаря и предстоящих при пении «Ис полла эти, дэспота!» и песнопений праздника (ныне — тропарь и кондак), преподавания мира патриархом и чтения Апостола.

Современный великий вход на литургии образовался из того, в молчании совершавшегося перенесения к престолу необходимых для совершения Евхаристии хлеба и вина, которое делали после чтения Писаний диаконы, предварительно отобрав лучшее (отсюда идея избрания в наше время особой просфоры для Агнца) из приношений верных. Приготов-

ление лучшего из числа приношений послужило основой современной проскомидии, которая со временем, из соображений удобства, дабы не удлинять время совершения службы, была перенесена к началу литургии. Отголоском древней практики перенесения приношений диаконами является современный устав великого входа на архиерейском богослужении: епископ сам не участвует в совершении входа, а только принимает переносимую святыню. Понятно также, почему теперь епископы изымают частицы из просфор до великого входа, во время пения Херувимской песни («архиерейская проскомидия»): это как раз остаток того, что в древности вся проскомидия совершалась во время теперешнего великого входа.

Лекции Николая Дмитриевича, которые он читает студентам академии, всегда интересны. Его громкий голос, темного протяжный и спокойный говор уверенного в себе, своих знаниях человека с добрым, благожелательным взглядом глаз привлекают сразу внимание, а содержательное, интересное изложение предмета окончательно покоряет слушателя. Студент всегда почерпает из его лекции что-то новое, неосвоенное, чего он ранее не знал. Это испытывают и все вообще, кто когда-либо обращался к Николаю Дмитриевичу за разъяснениями литургических вопросов. Необычайная осведомленность его в вопросах исторической литургии, прекрасное знакомство с источниками, содержание которых он рассказывает на память, часто цитируя в речи, поражают всякого слушателя.

Методика преподавания Николая Дмитриевича учитывает необходимость научного роста студента. Он — не сторонник строить академические лекции по принципу простого расширения только что пройденного семинарского курса. Он избирает один только какой-либо раздел науки и, читая его в течение учебного года, на основании всестороннего привлечения и тщательного анализа источников, прививает студенту навыки мыслить научно, учит его работать, суметь при необходимости самостоятельно разобраться в любом вопросе с помощью источников. Так, в течение академического 1953—1954 учебного года, на I курсе академии, мне и моим товарищам по курсу довелось прослушать в изложении Николая Дмитриевича историю основных служб суточного круга богослужения — вечерни, утрени и литургии. Эти его лекции явились как бы обобщением его диссертаций и научных изысканий на эти темы. С каким захватывающим интересом мы слушали его и как много нового открывали для себя! Попутно с основным предметом лекций Николай Дмитриевич затрагивал и многие другие вопросы исторической литургии и даже других богословских дисциплин. Его можно было спросить обо всем, и ответы его были всегда интересны и новы. Он был большим авторитетом для студентов.

Лекции Николая Дмитриевича по литургии были научной популяризацией идей и достижений литургии исторической, как науки. По лекциям его мы, так же, как и он, полюбили историческую литургику и историко-археологический метод изучения богослужения. На его лекциях мы наглядно убеждались, насколько неубедительными и противоречивыми бывают порой толкования различных частей служб или церковных предметов, даваемые сторонниками так называемого символического объяснения богослужения, которые современную статику богослужения готовы принять за нечто изначальное, от Христа и апостолов данное и которые даже пренебрегают динамикой, историей богослужения, как своего рода «ересь».

Лекции Николая Дмитриевича также давали понять, что литургика в кругу богословских дисциплин — не «прикладная, практическая» наука, а существенно важный для пастыря Церкви предмет богословского ведения. И, говоря как об истории, так и о смысле богослужения Церкви, Николай Дмитриевич всегда обращал серьезное внимание студентов

на необходимость ознакомления с источниками. И мы познакомились под его руководством с такими литургическими памятниками, как, например, «Дидахи», «Завещание Господа нашего Иисуса Христа» (Testamentum), Египетские Церковные Постановления, Постановления Апостольские, каноны Ипполита, Peregrinatio ad loca sancta Сильвии, или Этерин (Itinerarium Aetherae), литургические писания и отдельные высказывания мужей апостольских и святых отцов Церкви — от Игнатия Богоносца и Иустина Философа до Симеона Солунского и Николая Кавасилы, сами церковные песнопения знаменитых авторов — песнотворцев церковных, сборники отдельных песнопений и целых служб — богослужебные книги, наконец, собрания литургических рукописей — от Евхологиона Гоара до классического труда «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока» А. А. Дмитриевского.

Николаю Дмитриевичу брались писать кандидатские сочинения смельчаки, знавшие в известной мере классические языки литургических источников, прежде всего, греческий и латинский. Так, Г. Скобею пришлось много переводить с греческого, П. Бубурузу — с латинского, П. Уржумцеву — с греческого и частично с сирского (древние кондаки на Богоявление). Николай Дмитриевич весьма требователен к студентам при написании кандидатских сочинений. Одно из первых его требований — предельная лаконичность, писать так, чтобы, как говорится, словам было тесно, а мысли просторно. Даже в семинарии, давая тему сочинения, Николай Дмитриевич предупреждал, что он не будет читать, если написано будет более 2—3 страниц. Но вместе с такой требовательностью он был прекрасным руководителем и помощником студента при написании сочинения. Составленный студентом план сочинения он сам просматривал, внося в него свои коррективы, и указывал необходимые источники и литературу по вопросу темы. Он снабжал студента часто и своими книгами, из своей личной, хорошо подобранной по части литургики библиотеки. Затем по мере написания работы он просматривал написанную часть. При этом всегда проверял, как студент работает с источниками, пользуется ли ими и насколько умело и правильно. Он просматривал и переводы источников. Бывало и так, что он зачеркнет все написанное и обстоятельно разъяснит, как надо было написать. В результате всего получались работы, приносящие удовлетворение учителю и ученику. В них всегда было что-то новое в научном отношении, хотя бы это новое и было самым небольшим, пусть не открытием, а даже просто сказанным или понятым по-новому, в новом свете, в результате нового подхода к источникам.

Направленность научной мысли Николая Дмитриевича Успенского, его интерес ясно выступают из тематики кандидатских сочинений его учеников.

Ему писали:

в 1956 году Скобей Григорий — «История чина малого (августова) освящения воды в греческой и Русской Церкви»;

в 1957 году Уржумцев Павел — «Великая агнаσμα (происхождение обряда и значение его в свете содержания водосвятных молитв по евхологионам IX—X вв.)»;

в 1959 году Недайхлебов Леонид, диакон (ныне протонерей) — «Чин воцерковления в греческой и Русской Церкви»;

в 1962 году Кондратович Иван — «Богослужение последних дней Страстной седмицы в его историческом развитии»;

в 1963 году Будько Дмитрий — «Богослужение Великого четверга в его историческом развитии»;

в 1965 году Бубуруз Петр, священник (ныне протоиерей) — «'Αποστράτη παράδοσις» св. Ипполита Римского как литургический памятник»;

в 1966 году Тимофеев Геннадий (ныне епископ Вилениский и Литов-

ский Герман) — «Богослужение Святой Пасхи в его историческом развитии»;

в 1971 году эфиоп абба Хабте Селассие Тесфа — «Литургия Эфиопской Православной Восточной Церкви с ее анафорами».

Двое из учеников Николая Дмитриевича — протоиерей Петр Бубуруз и абба Хабте Селассие Тесфа продолжали углублять свои литургические работы и по получении степени кандидата богословия. Они написали и успешно защитили магистерские диссертации: первый — на тему «Святой Ипполит Римский и его «*Ἁποστολικὴ παράδοσις*» (1971), второй — на тему «Синаксарь Эфиопской Православной Церкви» (1972). Итак, Николай Дмитриевич вырастил для русской литургической науки восемь кандидатов богословия и двух магистров.

И в дальнейшем, уже после написания работы и начала самостоятельного служения своих учеников в Церкви, Николай Дмитриевич всегда живо интересуется их судьбой, их работой и жизнью, духовным и научным ростом. Его ученики и слушатели благодарны ему за это, и в своем церковном служении они, особенно те из них, кто приняли священный сан, стремятся осуществить то лучшее, что почерпнули из его лекций. Так, протоиерей Алексей Скобей и автор этих строк, слушавшие лекции Николая Дмитриевича по литургике в 1953—1954 учебном году, старались возродить древний обычай вечернего входа, во время которого, согласно идее вечерни как благодарения за свет, свещеносцы с светильниками не должны уходить в алтарь после входа духовенства и сразу гасить светильники, как это теперь всюду делается, а должны оставаться на солее до окончания гимна «Свете тихий» и преподавания мира священником, после чего, поклонившись мирствующему священнику и друг другу, они входят в алтарь. Внесенные в алтарь светильники поставляются по сторонам престола и гасятся уже по исполнении прокимна. Первый старался осуществить эту древнюю практику на приходах, где проходило его пастырское служение, второй — во время иподиакона в Никольском кафедральном соборе в Алма-Ате, у митрополита Николая (Могилевского), большого знатока и ценителя церковного пения и православного богослужения, которому его иподиакон много обязан любовью к службам церковным и к вопросам литургики. Древняя практика совершения вечернего входа соблюдается и по сей день в Иоанно-Богословском храме Ленинградской духовной академии, где продолжает свою научную работу Николай Дмитриевич. Он с особенной ревностью наставляет соблюдать в точности древнехристианскую традицию вечернего входа, видя в таких традициях Церковное Предание.

В этой небольшой статье, посвященной славному юбилею выдающегося русского литургиста профессора Николая Дмитриевича Успенского, мы стремились изобразить хотя бы вкратце путь его научной деятельности и его ученый облик, представить систему его научных идей и взглядов, показать направление его интересов и научных поисков. Разумеется, описание это далеко не полно, оно не исчерпывает всего ученого багажа Николая Дмитриевича. И даже самый полный конспект его научных работ и академических лекций не отобразил бы всего богатства его научной мысли, ибо она, эта мысль, непрерывно обогащается в результате все новых научных изысканий ученого. Литургическая наука и вообще богословие еще многого ждут от него. Пожелаем же Николаю Дмитриевичу многолетнего доброго здоровья и многих сил для успешного продолжения научной работы, для новых исследований и свершений на благо любимой им литургики и родной Ленинградской духовной академии. Многая ему лета!

П. УРЖУМЦЕВ,
кандидат богословия